

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Вып. XXVII

АФРИКА
(География, история, культура, экономика)

Москва
Главная редакция восточной литературы
1991

В. Г. Кукуян

**ВКЛАД РУССКИХ УЧЕНЫХ
И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ В ИЗУЧЕНИЕ АЛЖИРА
(XVII — первая половина XIX в.)**

Отечественное алжироведение с самого своего зарождения развивалось в общем русле русской ориенталистики. Однако оно имело ряд особенностей, которые касались проблематики и подходов к рассмотрению различных сторон жизни Алжира. На них, к сожалению, не обращали до сих пор внимания исследователи, да и вообще надо признать, что дореволюционное алжироведение еще не стало предметом специального изучения. Пока нет ни одной обобщающей работы на эту тему. Между тем в последней четверти XVII — первой половине XIX в. происходил процесс становления отечественного алжироведения. В то время в русской печати вышло значительное количество различных по содержанию, характеру, научной и практической ценности работ об Алжире. С точки зрения их значения в становлении отечественного алжироведения эти работы можно разделить на три группы, каждая из которых внесла свой специфический вклад в развитие новой отрасли знаний в России.

К первой группе следует отнести весьма разнохарактерные и практически не связанные между собой сведения об Алжире, появившиеся в России в XVII—XVIII вв. Центральное место в этой группе занимает книга русского морского офицера Матвея Григорьевича Коковцова «Достоверныя известия об Альжире...» [14]. Она существенно отличалась от первой книги этого же автора, «Описание Архипелага...», которая в композиционном отношении распадалась на три части: сначала шло описание греческого архипелага, являющееся, по существу, первым в русской литературе. Затем — дневник путешествия автора в Тунис и Алжир в 1776 г. И в третьей части — «Дневник вторых в Варварийские места поездки в 1777 году» [15, с. 117]. В то время как единство темы, композиции, достаточно объективный, глубокий и смелый взгляд на вещи позволяют нам характеризовать вторую книгу как цельное научное исследование. Хотя было бы неверно разделять обе книги, скорее «Описание Архипелага...» следует рассматривать как систематизацию материала для второй книги.

Появление работ М. Г. Коковцова должно было бы стать эпо-

хой в русском востоковедении. Во всяком случае, именно с них мы с полным правом ведем отсчет дней отечественной африканистики. Книги эти вышли в свет в то время, когда победоносное окончание русско-турецкой войны в 1768—1774 гг., подписание Кучук-Кайнарджийского мира и — главное для нашей темы — успешное осуществление экспедиции на греческий архипелаг ввели «Россию в более широкий круг внешней политики, чем это было когда-либо, и тем способствовали возвышению и укреплению русского престижа в глазах не только европейских держав, но и стран Северной Африки, завязавших сношения с Россией» [13, с. 81].

«Архипелагские же экспедиции выяснили значение для России Средиземного моря как театра для действий флота в войнах против Турции и политическую ценность прилегавших к этому морю стран» [13, с. 81]. Вот причины, почему капитан-лейтенант М. Г. Коковцов, проявивший себя во время первой экспедиции не только храбрым офицером, но и любознательным исследователем, составившим подробную лоцию греческого архипелага, получает задание в 1776 г. отправиться на два года в Испанию для ознакомления с ее флотом и портами. В этот период М. Г. Коковцов посетил Тунис и Алжир, куда он прибыл на венецианском купеческом судне 6 мая 1776 г. как «путешествующий русский дворянин». Не исключено, что первое посещение Северной Африки он совершил по собственной инициативе. Во всяком случае, в его послужном списке особо отмечено второе плавание в «африканские порты» и ничего не сказано о первом. Оставаясь на Магрибе до сентября того же, 1776 г., М. Г. Коковцов внимательно изучает «Варварийское побережье, тамошний народ и нравы» и даже получает аудиенцию у тунисского бей. В следующем году М. Г. Коковцов совершает путешествие в Алжир в качестве помощника капитана французского судна. Миссия капитан-лейтенанта носила неофициальный, осведомительный характер. Но образованный, любознательный, инициативный молодой человек относится к делу неформально, внимательно и вдумчиво изучая новые для него и для России страны. Кем же был человек, которого М. О. Косвен справедливо назвал первым русским африканистом (см. [16])?

Выходец из старинной дворянской семьи, Матвей Григорьевич Коковцов родился в 1745 г., в 15 лет поступил в Морской корпус кадетом, по окончании которого в 1761 г. начал службу на Балтике. Затем три года (1765—1768) мичман М. Г. Коковцов «плавал волонтиром на мальтийских галерах». Участник архипелагской экспедиции, Чесменского сражения выполняет различные поручения Адмиралтейства в Средиземном море. 1 января 1785 г., сорока лет, уволен со службы в бригадирском ранге с пенсией [26, с. 101—102]. Через год после отставки публикует первую [15], а еще год спустя вторую [14] книги, которые сохраняют его имя для потомков. И в 1793 г., не до-

жив двух лет до 50, умирает. Книги М. Г. Коковцова представляют нам широко образованного человека, восприимчива идей Н. И. Новикова и Д. И. Фонвизина, придерживающегося самых передовых взглядов своего времени. М. Г. Коковцов осмысливает обширную информацию, полученную им о Северной Африке на уровне характерных для века Просвещения теоретических представлений о формах общественной и политической организации. Описывая различные явления жизни алжирцев, «коих одно только непросвещение делает так много униженными перед их тиранами» [14, с. 69], он постоянно подчеркивает добросердечие и человеколюбие большей части народа. Необходимо особенно отметить то, что М. Г. Коковцов четко отделяет арабо-берберское население от турок. При этом религиозное единство тех и других не только не затуманивает для него истинного положения, но, как наблюдательный исследователь, он замечает, что дети, рожденные от арабских или берберских женщин, не признаются за «природных турок». Такие дети могут стать солдатами, но никогда не получают чинов, ибо турки утверждают, что «происхождение от мавританского или арабского поколения затмевает достоинство истинного мусульманина» [14, с. 43]. Изменить существующее положение может, по мнению М. Г. Коковцова, прежде всего просвещение народа и национально-освободительная борьба арабо-берберских племен, живущих в неприступных горах: «От сих-то горных народов варварийские берега ждут своего освобождения, в чем они и не обманутся, ибо сии народы, будучи на свободе, приобрели их прежнее мужество и легко могут, соединясь с другими вольными народами, низложить турецкую милицию...» [14, с. 69]. Воистину пророческие слова!

Внимательно и всесторонне изучая алжирское общество, автор привлекает большое количество литературы по Северной Африке [14, Предуведомление]. Он называет имя Луиса дер Мармоля, испанского автора XVI в., опубликовавшего в 1573—1599 гг. на базе сочинения Льва Африканского «Общее описание Африки». Однако, судя по тому, что М. Г. Коковцов ошибочно называет его «французским писателем», можно предположить, что он ознакомился с сочинением Мармоля в более известном французском переводе Н. Перро д'Абланкура. Матвей Григорьевич также упоминает голландца Ольферта Даппера, испанского монаха Диего де Аэдо и английского путешественника Томаса Шоу, издавшего в 1738 г. книгу «Путешествия и наблюдения, относящиеся к некоторым частям Барбарии и Леванту». Что касается идентификации перечисляемых М. Г. Коковцовым «арапских писателей», то она весьма затруднительна, и однозначный ответ на вопрос, кому соответствуют до неузнаваемости искаженные в транскрипции М. Г. Коковцова имена, едва ли возможен.

К изучаемой литературе М. Г. Коковцов относится критически, не принимая все на веру. Он веско опровергает мнение

Мармоля о том, «что Варвария на аравийском языке значит степи», и, пожалуй, наиболее авторитетное в ту пору мнение Льва Африканского, «будто бы аравы называли всех приморских жителей Варварии варварами, потому что (они.—В. К.) грубо произносили некоторые слова аравийского языка» [14, с. 2]. И утверждает, что, «без сомнения, варварами прозваны они были от римлян обще с другими завоеванными от них народами из гордости только и презрения к их обычаям, которые им казались грубы. А как европейцы приобжили во всем подражать римлянам, то последуют и их погрешностям» [14, с. 2—3]. Так же строго относится М. Г. Коковцов и к источникам, привлекая максимально достоверные или самим виданные или слышанные из надежных уст, по возможности отделяя правду от вымысла [15, с. 1—75]. Интересно, что для доказательства некоторых положений М. Г. Коковцов пользуется нетипичным для своего времени способом привлечения нумизматического, археологического материала, обращается к топонимике [14, с. 74, 78, 80, 84].

Таким образом, потребности времени, расширявшие проблематику исторических исследований, отразились и на отношении к источникам, предшествующей научной литературе. Нелишне отметить, что М. Г. Коковцов и в этом вопросе шел в первых рядах исследователей своего времени [32, с. 62, 76, 83]. Поэтому неудивительно, что он смог чутко уловить и отразить в своих книгах широкий спектр алжирских проблем, необходимость изучения которых была выдвинута временем. Он рассмотрел, посвящая наиболее важным вопросам отдельные главы, историю Алжира, административное устройство страны. Описал города, особенно подробно Эль-Джезаир. Уделил внимание военному делу, торговле, флоту, алжирскому пиратству, обращению с невольниками, хозяйству, государственным доходам и денежному обращению, образу правления и внешним сношениям Алжира, т. е. дал разностороннюю и содержательную картину жизни этой страны. Естественно, что он рассматривал ее, как указывалось выше, через призму системы взглядов, характерных для передовых дворян второй половины XVIII в.

Кроме основополагающих идей, о которых уже было сказано, нужно отметить идеализацию М. Г. Коковцовым роли государства и личности в общественном процессе. Говоря о вождях независимых арабских и берберских племен, он пишет: «Шеки, начальники аравских орд, находятся в великом почтении у народа, которого они снискивают любовь неусыпными их стараниями и соблюдении общего покоя и правосудия; они в битве с неприятелем первые жертвуют жизнью и почитают за долг потерять оную для спасения своего отечества» [14, с. 36]. Эта идеализированная картина отражает скорее представления М. Г. Коковцова о долге просвещенного правителя, чем реальную ситуацию. Вместе с тем в положительной оценке роли торговли в процессе просвещения общества и властей предержа-

щих проглядывает идеология нарождающейся буржуазии [14, с. 70]. Наибольший интерес вызывает объяснение М. Г. Коковцовым некоторых из наблюдаемых им явлений материальными причинами, даже когда эти явления лежат в сфере законоположений, которую так легко идеализировать. «...Узаконения Алжирского правления не велят наказывать смертью невольников, дабы через то не лишиться прибытка от их выкупа» [14, с. 48]. Особенности климата и частыми землетрясениями объясняет он узость улиц «в Варварийских городах» [14, с. 5—86]. Правда, указанные причины лежат на поверхности, а крайне редкое обращение М. Г. Коковцова к подобного рода объяснениям не позволяет нам говорить о материалистических взглядах автора. Но и оставлять без внимания такие крупницы не следует, ведь так легко было литератору XVIII в. объяснить все злонравием, жестокосердием и невежеством алжирцев.

Большое место в книгах М. Г. Коковцова занимает проблема религии, «Закона», как он пишет на языке своего века. Тут важно отметить, что М. Г. Коковцов в центр внимания ставит не столько описание обычаев и традиций мусульманства, о чем свидетельствует, кстати, не понятая и неправильно им определенная роль марабутов как «мугамеданских монахов» [14, с. 28], сколько критическую оценку роли религиозных организаций и братств марабутов. При этом он, без сомнения, целит в христианство, используя известный прием эпохи Просвещения — прикрывать критику европейского общества восточным антуражем. Правда, делает он это намного осторожнее, чем, например, французские просветители, но достаточно последовательно. В одних случаях маскирует подтекст так, что его мог понять лишь думающий и проницательный читатель: «Марабуты, следуя общему монашескому правилу, внушали сему народу ложное о Законе понятие и, непрестанно питая их невежество несправедливыми рассказами, заградили все стези к их просвещению. Таковы вредные поучения вкореняют в простом народе ненависть и презрение ко всем иноверцам и бывают причиною нарушения общего спокойствия» [14, с. 28]. В других случаях намеки его достаточно прозрачны, чтобы их мог понять каждый читающий: «Альжирское правление не только позволяет христианам торговать по всей области, но и отправлять свободно их богослужение, что многие просвещенные в Европе народы и поныне делать не позволяют, а причиною всему кажется то, что в Варварийских областях духовенство нимало участия в правлении не имеет, следовательно, и не может оно утеснять своею ненавистью иноверцев, а напротив того, все заисит от светского управления» [14, с. 60—61].

От внимания М. Г. Коковцова не ускользает неблагоприятная роль европейцев в поддержании алжирского пиратства: «Христианские же державы, вместо того, чтобы наказывать сию дерзость (пиратство.— В. К.), стараются еще подкреплять их, особливо... с ними выгодно торгующие французы» [15, с. 88, 89].

Тонко раскрывает автор и механизм участия европейских купцов «совокупно с турками» в ограблении арабо-берберского населения [14, с. 49].

Но, пожалуй, самый большой вклад внес М. Г. Коковцов в развитие отечественной этнографии Африки. Подчеркнем при этом, что вклад заключался не только во введении в эту отрасль знаний совершенно нового для российской науки материала, но и в определенных общетеоретических, говоря языком современным, посылах. М. Г. Коковцов предельно четко сформулировал взгляды, которые с полным правом можно рассматривать как первое в отечественной литературе утверждение недопустимости аксиологического подхода к этнографическому исследованию [19, с. 74]. «Несправедливо было бы,— писал М. Г. Коковцов,— осуждать целый народ потому только, что в нем носят на голове чалмы, но должно рассматривать его законы, обычаи, воспитание, климат, их правление и потому делать общее заключение... Я не удивлюсь столь ложному в Европе о сих народах мнению, ибо много есть таких людей, которые презирают других только потому, что не их наблюдают обычаи. Мы находим более благорассуждения и беспристрастия в тех, кои с успехом путешествовали: они, обращаясь с иностранцами, познают добрые и худые их качества и, сличая оные со своими, полагают пределы прежнему своему предрассуждению». Это писалось в то время, когда гораздо привычнее и естественнее для европейца было думать, «что, если кто в Варварии родился, тот не одарен разумом и чувством» [14, Предисловие].

М. Г. Коковцов, последовательно развивая избранную точку зрения, решительно выступает против мнения о «варварийцах» как о народе «злонравном, незаконном и жестокосердном». По существу, он оспаривает идеи европоцентризма, когда утверждает, что ошибочно думать, будто бы североафриканцы жестокосерднее всех европейцев. «Народы варварийские вообще казались мне добронравнее и странноприемчивее многих европейцев, особливо же сицилианцев, калабриссов и некоторых членов испанского народа» [15, с. 94].

Эта концепция позволяет ему достаточно глубоко для своего времени проникнуть в суть изучаемых проблем. М. Г. Коковцов смог отделить не только завоевателей-турок от поработенных арабо-берберских племен, что очевидно было и автору XVII в. [27], но четко разграничить арабов (мавров) и берберов (аравов): «Многие европейские писатели почитают аравов с маврами за один народ, но сие мнение опровергается различием их языка и обычаев» [14, с. 33]. Хотя употребляемая им терминология не всегда бывает строгой и порой возникает некоторая путаница, важно отметить, что автор в понимании этнической ситуации в Алжире и Тунисе намного опередил своих последователей. То же можно сказать и об описании хозяйственной деятельности, особенно когда М. Г. Коковцов констати-

рует не только торговлю с Европой, но и транссахарские торговые связи. При этом важнее всего то, что для Коковцова, пожалуй единственного из русских путешественников, не исключая даже и А. В. Елисеева, очевидна была органическая связь между Африкой «белой» и «черной» (см. [10; 11]).

При рассмотрении политической организации М. Г. Коковцов четко противопоставляет, с одной стороны, турецкую администрацию, с другой — фактически независимые от нее внутренние области. При этом наблюдательный автор проникает взором в дипломатические хитросплетения. «Иметь отдельное правление позволено сему народу, — пишет М. Г. Коковцов, — от альжирского дивана для удержания дерзкой милиции, и для того же альжирский Дей старается быть в дружбе со многими не подданными аравами» [14, с. 26].

Именно М. Г. Коковцов наметил основные направления изучения Алжира и представил первый опыт такового. Оценивая произведения М. Г. Коковцова, выдающийся советский арабист, акад. И. Ю. Крачковский писал: «Основываясь на непосредственных впечатлениях, они обнаруживают некоторое знакомство с арабским языком и до сих пор остаются важным источником для характеристики Алжира и Туниса этой эпохи. Во французской науке нашего времени, только теперь с ними познакомившейся, они получили высокую оценку специалистов по Северной Африке» [18, с. 56—57]. Увы, подлинное признание книг М. Г. Коковцова на родине пришло полтора столетия спустя после выхода его второй книги. Почему свежие и яркие впечатления русского путешественника долгое время оставались втуне и увидели свет лишь через 10 лет после описанных в них событий?

Первое и самое легкое объяснение, которое приходит в голову, когда познакомишься с послужным списком М. Г. Коковцова, — это занятость по службе. Но такое объяснение кажется менее всего правдоподобным для такой незаурядной личности, каковой, без сомнения, является наш автор. Во всяком случае, 10 лет — слишком большой срок, чтобы М. Г. Коковцов, прекрасно сознававший значение своих наблюдений, не нашел времени для их обработки и публикации.

Другое дело, что многие взгляды, достаточно ясно выраженные в книгах, не могли понравиться флотскому начальству, да и гораздо более высокопоставленным особам, выскажи их офицер действительной службы. Если сравнить хотя бы донесения графа А. Г. Орлова императрице, в которых он писал: «Здесь народы лъстивы, обманчивы, непостоянны, дерзки и трусливы» [13, с. 82], — всю вину за неудачи на первом этапе архипелагской экспедиции возлагая на греков, с тем, что сообщает М. Г. Коковцов [15, с. 1—75], предположение наше кажется достаточно обоснованным. И все-таки главная причина долгого молчания М. Г. Коковцова, надо думать, в другом. В конце 70-х — начале 80-х годов XVIII в., как ни парадоксаль-

но это прозвучит, в России еще не было особой потребности в работах М. Г. Коковцова. Во-первых, интерес к Востоку, породившийся у нас, как уже отмечалось, в связи с русско-турецкой войной 1768—1774 гг. и последовавшими за этим событиями, ко времени путешествия нашего автора еще недостаточно окреп. Во-вторых, архипелагская экспедиция стала столь широко известным фактом, что в особой пропаганде не нуждалась, и Европе вполне доставало того, что было о ней известно. А раскрывать конкретные интересы в Средиземноморском бассейне России было невыгодно из дипломатических соображений, иначе зачем М. Г. Коковцову представляться то «путешествующим дворянином», а то и вовсе французом. Таким образом, и внутренняя и внешняя общественно-политическая ситуация не благоприятствовала появлению этих книг.

Положение коренным образом изменилось через 10 лет. Прежде всего назревала новая русско-турецкая война, в канун которой русская дипломатия оказалась в нелегком положении. С одной стороны, нужно было не только укрепить союз с Австрией против Турции, сломить сопротивление Франции, но и в целом создать благоприятный для России фон предстоящих действий, обосновать определенные права России на участие в делах средиземноморских, напомнить об архипелагской экспедиции. С другой стороны, и Екатерина II и Г. А. Потемкин считали войну для России преждевременной и прилагали усилия к ее отдалению. В этих условиях книги М. Г. Коковцова были очень кстати: в них не было явной агрессивности и в то же время они недвусмысленно указывали на интересы России в средиземноморском регионе. Таким образом, они могли быть использованы для одного из излюбленных приемов екатерининской дипломатии — политической пропаганды. Да и сама Россия 80-х годов XVIII в. деятельностью М. И. Новикова, Д. И. Фонвизина и других просветителей была в гораздо большей степени подготовлена к появлению этих работ. Не следует, однако, думать, что книги М. Г. Коковцова вышли по какому-то именному указу. Для подобных утверждений у нас нет оснований. Возможно, даже не было полного осознания и самим автором, и издателем политической роли этих книг. Скорее идея носилась в воздухе, и она была легко подхвачена такими достаточно свободно мыслящими и передовыми людьми, какими были М. Г. Коковцов и издатель Ф. О. Туманский.

Так что и появление записок М. Г. Коковцова, и выход в свет его книг были обусловлены как внешнеполитическими интересами России, так и внутривнутриполитической и общекультурной ситуацией, складывающейся в русском обществе. Эти же факторы, как нам кажется, способствовали незаслуженному забвению книг русского исследователя. Преждевременная смерть автора, внутренняя и внешняя политика Павла, диаметрально противоположная екатерининской, и, наконец, почти полное отсутствие читателей литературы об Алжире [3] привели к тому,

что в 40-х годах XIX в. русская общественная и научная мысль открыла Алжир заново, во многом отступая назад от достигнутого М. Г. Коковцовым, книги которого ко времени начала завоевания Алжира Францией никто уже не помнил [2, с. 36; 4, Предисловие].

Таким образом, произведения, которые мы сегодня заслуженно ставим в один ряд с лучшими сочинениями западноевропейских алжироведов до XIX в., в развитии этой отрасли отечественной науки в последующем столетии никакой роли не сыграли.

Другие публикации данной группы представляют собой небольшие материалы в периодических и учебных изданиях, лишь вводившие в сознание русского общества понятие Алжир без научной (на уровне своего времени) его расшифровки. И только «Описание Турецкой империи...», составленное в последней четверти XVII в., представляет для нас особый интерес, так как в нем мы находим, пожалуй, первое письменное свидетельство о посещении русским Магриба, и в частности Бладанаба (Аннабы) и Арчели (Алжира, Эль-Джезаира). Неизвестный русский автор* оставил нам небольшое описание алжирских городов военно-географического характера в сочетании со скудными этнографическими сведениями. В этом описании обращают на себя внимание два важных факта: во-первых, то, что автор метко подметил четкую разграниченность между турецкими и арабскими владениями в Африке, и, во-вторых, что автор не смешивает турок и арабов и рассматривает последних как основное, но зависимое население Арчели [27, с. 10].

Однако и этот труд, как и все другие аналогичные произведения, был вскоре забыт и не оказал сколько-нибудь заметного влияния ни на практическую деятельность русского правительства, ни на развитие отечественной науки о Востоке вообще и об Алжире в частности. Таким образом, все произведения рассматриваемой группы могут быть охарактеризованы лишь как предыстория становления и развития отечественного алжироведения.

Начало систематического изучения Алжира в России относится к первой половине XIX в., когда его завоевание французами вызывало к этой стране большой интерес в Европе. У нас этот интерес подкреплялся событиями Кавказской войны и началом освоения Кавказа, а во второй половине XIX в. — присоединением Средней Азии и ее освоением, что, естественно, побуждало к изучению опыта Франции. Вторую группу материалов об Алжире в изучаемый период представляют многочисленные публикации в русской периодической печати. Они исследованы далеко не полностью, но и тот обширный материал, который доступен анализу, позволяет сделать вывод о

* Есть косвенные факты, позволяющие предполагать, что это был сын боярский Федор Феоктистович Дорохин, родом из Ельца, рейтар, попавший в плен к крымским татарам и проданный ими в Турцию, где он служил в турецких войсках, и со временем, заплатив выкуп, вернулся на родину в 1674 г.

том, что, во-первых, проблемы Алжира вызывали большой интерес у русской общественности (так, в популярных в России демократических журналах «Отечественные записки», «Современник», «Русское слово» и «Дело» публикации об Алжире стоят на втором месте среди всех африканских публикаций, уступая лишь статьям о Египте), а во-вторых, периодические издания самых различных общественно-политических направлений единодушно сходились в оценках алжирских событий, с сочувствием относясь к борьбе народа этой страны против французских колонизаторов и резко критикуя вандализм французской военщины на алжирской земле.

Чрезвычайно разнообразна тематика этой группы материалов — от пространных рецензий на книги об Алжире, вышедшие на английском, французском, немецком и русском языках [5; 31; 35; 36; 37; 38], и небольших заметок «Об открытии в Алжире развалин древнего города римского времени» [25], о французской колониальной экспансии [23] или о пребывании Бу-Маза в Париже [6] до таких статей и очерков, как «Алжир» [2] и «Абд-эль-Кадер» [1], которые заметно выделялись на пестром фоне всего, что публиковалось об Алжире в русской периодической печати.

Небольшая по объему (12 страниц) статья «Алжир» была опубликована анонимно. Автор дал в ней краткий, но достаточно полный обзор западноевропейской литературы об Алжире. В нем он справедливо упрекает французов за то, что они «имели и время и возможность изучить основательно алжирские племена, но не воспользовались ни тем, ни другим» [2, с. 35]. Единственное сочинение, которое, по мнению автора, достойно внимания, — это книга немецкого исследователя Морица Вагнера [39], которую он оценивает как беспристрастное, добросовестное, «на долговременных изысканиях основанное сочинение об Алжире». Исследование М. Вагнера обращает на себя внимание еще и потому, что в то время почти не было крупных работ об Алжире. Только английский путешественник Т. Шоу «за 120 лет перед сим, довольно долго живший в этих владениях и издавший о них сочинение, годное и в настоящее время, заслуживает тем большую благодарность» [2, с. 36].

В то же время методику анализа литературы в статье отличают некоторая поверхностность и субъективизм, что особенно заметно в характеристике книги М. Вагнера. «За беспристрастие и добросовестность Вагнера, — читаем мы, — ручается и самое его происхождение: как немец, он не имел надобности из национального тщеславия или почему-либо другому находить вещи совсем иными, нежели какими они (были. — В. К.) на самом деле... Беспристрастие германского писателя видно и из самого спокойного его повествования, из того, что он описывает только те события, которые заслуживают внимания истории» [2, с. 35, 36].

Тем не менее обзор литературы позволил автору статьи

выделить круг проблем, требующих изучения: этнографическое описание Алжира, пути его колонизации, борьбу алжирского народа за независимость, столкновение колониальных учреждений и традиционных институтов, археологические исследования, возможности развития сельского хозяйства и экономического освоения страны, природу и климат. Уже сам перечень свидетельствует о том, что автор развивал идеи, актуальные для его времени. Напомним, что именно в этот период происходит становление русской буржуазной историографии с характерным для нее расширением круга проблем, требованием более глубокого исследования исторического процесса, обращением к теме народа (правда, в это понятие вкладывался тогда этнический, а не социальный смысл), более серьезным изучением экономической проблематики. В сферу интересов историков входит все больше стран и регионов. Восток, который до того времени в основном изучался в филологическом аспекте, чаще становится и предметом исторического исследования.

Автор статьи «Алжир» выступает с позиций либерала, для которого процесс колонизации есть «благородная обязанность развитой» европейской нации цивилизовать «отсталый» Восток. Конечно, это шаг назад по сравнению с идеями М. Г. Коковцова (нашему автору его книги и не были известны), который как просветитель был чужд европоцентризму. Но именно из представлений о колониализме как «о культурной миссии европейцев» вытекает последовательная критика вандализма и варварства колонизаторов, которые «беспощадно попирают права человечества». И «если б французские генералы,— говорится в статье,— имели средства, соответствующие их затеям, и не страшились грозной власти периодических изданий их отчины, в Африке нашлось бы теперь много подражателей Пизарро и подобных ему завоевателей» [2, с. 38]. Критике подвергаются все стороны деятельности французской колониальной администрации, не отвечающие «всемирной миссии европейских народов — расширять пределы цивилизации» [4, с. 64].

Однако та же идея европоцентризма мешает автору статьи «Алжир» правильно оценить борьбу алжирского народа за свою независимость. Он впадает в противоречие: с одной стороны, эта борьба представляется ему серьезной помехой «культурной миссии Франции» [2, с. 40], с другой — варварство завоевателей оправдывает в глазах автора эту борьбу. «В последние годы,— пишет он,— неутомимые, легкие, как ветер, сыны пустыни простерли свои набеги почти до самых стен Алжира и вынудили французов запереться в своих владениях» [2, с. 40].

Наиболее ярко внимание к борьбе алжирского народа проявилось в положительной оценке личности эмира Абд эль-Кадера. В то время как во французской колониальной историографии преобладали резко отрицательные оценки личности и деятельности основателя алжирского государства, автор статьи «Алжир», говоря об Абд эль-Кадере, называет его могущест-

венным, предусмотрительным, характеризует его как человека, который по уму, глубокому знанию людей и вообще душевным и физическим качествам в состоянии возглавить арабов [2, с. 40].

Не будет преувеличением сказать, что тема алжирского народа является одной из центральных в статье «Алжир». Автор не только указывает на слабую этнографическую изученность этого народа. Он подчеркивает необходимость глубокого подхода к подобным исследованиям, весьма низко оценивает «поверхностные описания обыкновений арабских», предупреждает об ожидающих исследователя трудностях. И, что особенно важно, высказывает, правда не столь четко, как в свое время М. Г. Ковцов [14, Предуведомление], мысль о недопустимости аксиологического подхода к этнографическому исследованию. «Европейский путешественник не поймет чужого невежественного народа и не примет в нем благородного участия,— пишет он,— до тех пор, пока не привыкнет вполне ко всему, что представляется ему необычного и странного. Начертание верной этнографической картины бывает тем труднее, чем более нравы и гражданские учреждения описываемого народа уклоняются от европейских форм» [2, с. 35].

Заметим, что такое утверждение, казалось бы противоречащее основной для автора идее европоцентризма, свидетельствует о том, что сама идея эта не оставалась неизменной, эволюционируя от безапелляционного непризнания всего неевропейского и требования рассматривать и оценивать все явления с точки зрения Европы и ее традиций к пониманию необходимости объективного изучения неевропейских стран и народов.

Дальнейшее этнографическое изучение Алжира в России позволило, пожалуй, наиболее полно решить в отечественном алжироведении эту задачу. Многие русские исследования, особенно после выхода в свет книги Л. Ф. Костенко [17], изобилуют этнографическими подробностями, а иные полностью посвящены этнографии [10; 11].

Большое место в статье «Алжир» занимает также тема экономического освоения этой страны. Автор характеризует ее природные богатства, перечисляет сельскохозяйственные культуры, которые, по его мнению, могут «принести величайшие выгоды», среди них: хлопок, оливковые деревья, сахарный тростник. Он полагает, что «посев зерновых хлебов гораздо менее выгоден для этой страны, чем, например, упомянутые нами отрасли промышленности, и должен быть предоставлен Европе, где он удастся и на менее плодородной почве» [2, с. 42]. Возможно, что за этой фразой скрываются экономические интересы русских помещиков, которые, являясь одним из основных поставщиков хлеба на международный рынок, могли опасаться возрождения бывшей житницы Римской империи и возможной конкуренции со стороны Алжира.

Особенно интересно, что автор обращает внимание на не-

зученность взаимостолкновения, взаимовлияния колониальных и традиционных общественно-политических институтов. Он дважды подчеркивает, что оставлена без внимания «борьба, которую ведет в Алжире европейская гражданственность с мухаммеданскою нравственною неподвижностью» [2, с. 33—34].

Этот сложный и противоречивый процесс находил свое выражение в разграблении национальных богатств Алжира, когда на нужды колонизации было отторгнуто более 52% земель страны, в уничтожении в ходе кровопролитной войны ее людских ресурсов. Вместе с тем именно в процессе колонизации было окончательно подорвано влияние алжирской феодальной аристократии, что, однако, не привело к ликвидации феодализма; напротив, наметилась тенденция к консервации некоторых феодальных институтов. Колонизация способствовала этнической консолидации алжирских племен, более широкому, чем ранее, смешению представителей населявших страну этносов. Когда-то разделенные на социальные группы жители алжирских городов после завоевания страны превратились в бесправных колониальных «подданных» Франции и жили в собственной стране на положении «иностранцев». Русский ученый прошлого столетия П. А. Чихачев отмечал, что в Алжире создается впечатление, будто «арабы приехали навестить французов» (см. [33]).

Намеченные автором статьи «Алжир» проблемы получили в дальнейшем более полную разработку, и отечественное алжироведение превратилось в одну из значительных отраслей востоковедения в России.

Не меньшее значение для формирования знаний русской общественности об Алжире и борьбе алжирского народа за свою независимость имел опубликованный анонимно в том же, 1841 г. в журнале «Московитянин» очерк «Абд эль-Кадер». К сожалению, материал не дает нам достаточных оснований для анализа взглядов и позиций автора. Однако следует отметить, что это, пожалуй, первая биография Абд эль-Кадера на русском языке. Если сравнить названный очерк с заметкой «Портрет Абд эль-Кадера», опубликованной во втором номере журнала «Современник» за 1848 г. [28], станет ясно, насколько глубже и содержательнее рассматриваемая публикация, которая не только рисует личность выдающегося человека, но и дает краткий обзор освободительной борьбы алжирцев под руководством своего вождя вплоть до заключения Тафнского договора (май 1837 г.). При этом подчеркнуто, что договор был необходим прежде всего французам [1, с. 339] и в то же время именно французы после взятия Константины и разгрома бея Ахмеда стремились разорвать его.

Важно отметить также и то, что, хотя очерк был написан на основе иностранных, вероятнее всего французских, публикаций, которые, как отмечалось, в этот период изобиловали отрицательными характеристиками вождя алжирского народа, тон

биографии, оценка борьбы алжирцев резко отличались от выступлений французской прессы. Если во французской печати утверждалось, что алжирцы воюют только из чувства мусульманского фанатизма и сила Абд эль-Кадера основана на этом фанатизме, то в статье подчеркивалось отсутствие фанатизма у Абд эль-Кадера [1, с. 337]. «Для достижения своих честолюбивых замыслов,— читаем в статье,— они (французы.— В. К.) тратили деньги и людей, употребляя насилие, измену, притеснения и жестокости. Абд эль-Кадер, не страшась успехов своих сильных соседей (французов.— В. К.), посредством храбрости, проницательности и терпения постепенно упрочил за собой довольно значительную часть той области, которую они всю без исключения хотели присвоить себе» [1, с. 338]. Отмечалось, что алжирцы воюют за независимость своей родины.

Таким образом, в русском обществе XIX в. с самого начала знакомства с Алжиром складывались традиции уважительного отношения к алжирскому народу и его борьбе за независимость, формировалась критическая оценка мероприятий французской колониальной администрации. Русская периодическая печать сыграла в утверждении подобных взглядов первоочередную роль, подготовив почву для более глубокого, научного познания далекой североафриканской страны.

Третью группу работ об Алжире составляют те значительные научные исследования, которые непосредственно легли в основу глубокого и всестороннего изучения этой страны. В данную группу входят книга М. И. Богдановича «Алжирия в новейшее время» [4] и обширная публикация в «Вестнике императорского Русского географического общества» Э. И. Эйхвальда «Отрывки из путешествия в Алжир в 1847 г.» [34]. К этой группе также следовало бы отнести подготовленный к печати, но не увидевший свет из-за безвременной кончины автора II том материалов путешествий и исследований одесского врача А. А. Рафаловича, посвященный пребыванию в Алжире и Тунисе.

Модест Иванович Богданович (1805—1882), русский военный историк, генерал-лейтенант (с 1863 г.), родился в Харьковской губернии в дворянской семье. В 18 лет был произведен в офицеры. Принимал участие в подавлении польского восстания 1830—1831 гг. В 1836 г. окончил Военную академию. С 1838 г.— адъюнкт-профессор, а с 1843 г.— профессор кафедры военной истории и стратегии. После 1862 г. состоял в распоряжении военного министерства. М. И. Богданович создал фундаментальные труды по истории военного искусства и войн России XVIII — первой половины XIX в. [12, с. 498].

О причинах, побудивших М. И. Богдановича после написания ряда книг о военных походах Наполеона, Петра I, Суворова взяться за книгу о далекой североафриканской стране, с которой Россия не имела никаких отношений, сам автор пишет так: «В последние годы появилось множество француз-

ских и немецких сочинений об Алжире, но на русском языке нет ни одной книги, которая могла бы дать хотя некоторое понятие об этой стране, достойной внимательного изучения во многих отношениях и любопытной для нас в особенности по сходству образа ведения войны в Алжире и на Кавказе» [4, Предисловие]. Таким образом, для человека по своему происхождению, социальному положению, жизненному опыту стоявшего на страже интересов Российской империи, каким был М. И. Богданович, имевшего к тому же и опыт написания исторических трудов, естественным было обратиться к изучению страны, которая могла дать богатый материал для практического использования в колониальной политике России.

Итак, главной темой первого русского произведения об Алжире в XIX в. стала колонизация этой страны французами. Достаточно сложная структура книги М. И. Богдановича полностью подчинена данной теме. Здесь русский читатель находит географическое описание Алжира, но это «описание театра войны в Алжирии». Впервые на русском языке так подробно описываются быт и обычаи арабов и кабил, но лишь потому, что они «в настоящее время из числа туземных народов заслуживают внимания в военном отношении» [4, с. 20].

Историческая концепция М. И. Богдановича полностью совпадала со взглядами официальной российской историографии, не случайно со временем он стал официальным военным историографом. М. И. Богданович описывал «деяния царей и полководцев». Так же подошел он и к изучению колониальной войны в Алжире. В книге М. И. Богдановича нет анализа событий, выявления их причин и следствий, исторического фона. Центральное место занимают лишь распоряжения и действия французских управителей Алжира. В «нынешнем состоянии Алжирии», т. е. после победы над Абд эль-Кадером и окончания колониальной войны, внимание автора более всего привлекают успехи колонизации и ее перспективы в будущем.

Методология неизбежно сказалась и на методике работы автора. М. И. Богданович привлекает большое количество новейших французских и немецких исследований об Алжире, использует много неопубликованных официальных документов. В его книге мы находим 24 наименования книг и документов, на которые он многократно ссылается, наибольшее внимание уделяя книгам Деккера «Алжир», «Алжир и алжирская война», Гамбера «Алжир прежний и современный» и целому ряду неопубликованных официальных материалов. Достаточно хорошо для своего времени организован научно-справочный аппарат, сноски делаются постранично. Но за всей этой большой, кропотливой и добросовестной работой мы не находим ни анализа, ни критического осмысления источников и используемой литературы. И исторический факт, и исторический документ, исследование принимаются М. И. Богдановичем как данность. В лучшем случае он сравнивает несколько сообщений об одном и

том же явлении, останавливая свой выбор на том из них, которое вызывает у него большее доверие по каким-то субъективным, ничем серьезно не обоснованным причинам. Такой метод автора, естественно, малоплодотворен. Ему не удастся преодолеть описательность событий. Он и не пытается выяснить **подлинные причины колониальной войны**, особенности ее развития и последствий. Такой задачи не существует для М. И. Богдановича. Отмщение за «удар опухалом» для него вполне достаточный резон для начала войны, а превратности ее целиком и полностью могут быть объяснены одаренностью или бездарностью французских полководцев, согласованностью их действий или конфликтами между ними, с одной стороны, и между военными и правительством Франции — с другой.

Однако было бы несправедливо не отметить, что в рамках столь ограниченной научной концепции и при отсутствии личных наблюдений М. И. Богдановичу удалось высказать ряд мыслей, которые свидетельствуют о способности автора к более глубокому осмыслению тех или иных фактов. Так, например, оценивая боевые качества алжирцев, он пишет: «Боевой порядок природных жителей Алжирии, несмотря на кажущуюся с первого взгляда неправильность его в сравнении с европейскими боевыми порядками, совершенно соответствует качествам туземных войск и топографическим свойствам страны; каждый контингент дружно содействует общей цели, указанной главным начальником, — нападению либо обороне; каждый воин сражается упорно по мере личных качеств» [4, с. 24—25]. Далеко не все, писавшие в Европе о борьбе алжирского народа, умели подметить эту особенность, исходя в оценке алжирских войск исключительно из позиций европейского военного опыта. Но, пожалуй, наиболее ярко проявилась эта способность автора в оценке жизни и деятельности Абд эль-Кадера. М. И. Богданович сумел увидеть в нем личность незаурядную и значительную. Характеризуя его, русский историк пишет, что это был «необыкновенный человек, противостоявший французам в течение более десяти лет и заставивший их действовать в Алжирии стотысячной армией... Обстоятельства благоприятствовали ему, а личные свойства его служили залогом успеха. Соединяя с приятной наружностью высокие душевные качества — великодушие, неустрашимость, бескорыстие, умеренность, — эмир иногда увлекался гордым сознанием своих достоинств» [4, с. 64—65]. Без сомнения, страницы, посвященные Абд эль-Кадеру и возглавляемой им борьбе алжирского народа против колонизаторов, — высшее достижение М. И. Богдановича в его работе.

Однако в целом эта книга уже современниками была оценена как поверхностное, неглубокое описание алжирских событий (см. [5]), хотя сегодня характеристика этой работы представляется делом более сложным.

Объективно идеи и проблемы, разработанные в книге

М. И. Богдановича,— значительный шаг назад по сравнению с трудом М. Г. Коковцова. Но субъективно ни М. И. Богданович, ни кто-либо другой в 40-х годах XIX в. о книге М. Г. Коковцова не знал, т. е. тема Алжира разрабатывалась практически заново, и с этой точки зрения М. И. Богданович оказался пионером отечественного алжироведения, потому что даже статья «Алжир» [2], написанная, бесспорно, более прогрессивным и глубоким автором, лишь констатировала неизученность тех или иных алжирских проблем. Значение книги М. И. Богдановича проявилось позже в ее большом влиянии на многих русских авторов, исследовавших Алжир в дальнейшем. Особенно сильно сказалось это влияние на структуре работ военных историков, таких, например, как А. Н. Куропаткин и А. И. Макшеев [20; 22].

Важным событием в период становления отечественного алжироведения стали путешествия двух русских ученых — врача А. А. Рафаловича и крупного естествоиспытателя, акад. Петербургской академии наук Э. И. Эйхвальда — в Алжир. Оба они не были специалистами в области истории, но, являясь действительными членами императорского Русского географического общества, собрали для него богатый этнографический и исторический материал об этой стране.

Артемий Алексеевич Рафалович был командирован на Восток для изучения условий зарождения и распространения чумы [30]. Исследование этого вопроса было невозможно без знания условий быта местных жителей. Это и побудило ученого собрать обширный этнографический материал о народах Египта, Туниса и Алжира. Однако преждевременная смерть прервала его работу. Из написанного об Алжире до нас дошла лишь небольшая статья «Записки русского врача, отправленного на Восток» [29], которая публицистически остро характеризует «цивилизаторскую» деятельность французов в Алжире. «Туземный, мусульманский элемент везде постепенно и приметно исчезает: или, как в городе Алжире,— от умножившейся бедности через то, что всеми ветвями торговли и промышленности овладели европейцы, с которыми не могут состязаться арабы... или — от губительного действия страшного разврата и пороков, прививаемых образованными завоевателями полуварварским туземцам. Винные погреба, кабаки и развратные дома составляют, конечно, самые многочисленные „гражданские“ заведения в Алжире. Мусульмане, столь упорно отталкивающие все, что могли бы перенять истинно полезного от ненавистных им гяуров, с жадностью всасывают всеми путями разрушающий яд увы! постоянно и во всех частях света разливающийся по следам европейской цивилизации» [29, с. 229].

Это одно из самых сильных и откровенных замечаний в русской публицистике, разоблачающей политику французских колонизаторов в Алжире.

Наблюдения Э. И. Эйхвальда, который был первым русским

ученым в XIX в., посетившим эту страну с исследовательской целью, гораздо более обширны и разносторонни. Сделанный им в 1849 г. доклад на общем собрании Русского географического общества был посвящен путешествию автора в Алжир в 1847 г. и увидел свет в вестнике общества в 1851 г. [34]. Большое, на 84 страницах, сообщение носило страноведческий характер. Основные интересы Э. И. Эйхвальда лежали в области географии, точнее, в области только зарождавшейся тогда геологии (одним из основателей которой в нашей стране по праву считается Э. И. Эйхвальд). Но, как истинный ученый, он добросовестно наблюдает животный, растительный мир, оставляет заметки о местных народах, древней истории Алжира, о процессе колонизации страны французами. Не ограничиваясь наблюдениями, Э. И. Эйхвальд постоянно сравнивает виденное с другими регионами, и в частности с Кавказом и Закавказьем, делает практические выводы.

Тема Кавказа проходит через весь доклад Э. И. Эйхвальда. Описывая город Алжир, он замечает: «Положение Алжира чрезвычайно сходно с положением Дербента у Каспийского моря... только Алжир гораздо красивее и обширнее» [34, с. 2—3].

Значительная часть работы Э. И. Эйхвальда посвящена растительному миру, причем особое внимание автора привлекают тропические растения. Ста трем из них дана морфологическая характеристика, оценены возможности их практического освоения на Кавказе: «И в наших закавказских владениях могло бы приняться разведение подобных общепользовных растений тропических стран. В них деланы опыты, но оставлены, может быть, слишком рано, прежде чем убедились надлежащим образом, действительно ли тамошний климат вовсе не благоприятствует их разведению» [34, с. 15].

Стоит выделить короткое сообщение ученого о торговых связях России и Алжира через Одессу, «из которой еще и нынче, кроме кавказского строительного леса, постоянно получается южнороссийский хлеб через Черное и Средиземное моря путем, который во время римлян был в Ольвию» [34, с. 36—37].

Большое место в докладе Э. И. Эйхвальда занимает и описание условий, в которых происходила Кавказская война, дается характеристика личности Шамиля и его методов ведения боевых действий в сравнении с недавно закончившейся борьбой Абд эль-Кадера против французских колонизаторов.

Работа Э. И. Эйхвальда и его сообщения в географическом обществе были замечены не только в России, но и в научных кругах ряда европейских стран. А его данные о растительном и животном мире не утратили своего значения и в настоящее время, представляя уникальный материал для реставрации флоры и фауны Алжира до начала колонизации, которая привела к резкой деградации ландшафта и истреблению многих видов животных.

Интересно отметить, что к исследованию Алжира М. И. Бог-

дановича и Э. И. Эйхвальда побудили практические интересы России в колонизации Кавказа. Но если первого в основном интересовали военные проблемы, то второй делал акцент на мирном освоении этого края.

Оценивая «алжирское наследие» А. А. Рафаловича и Э. И. Эйхвальда, следует заметить, что, не будучи историками, оба они не владели методикой исторического исследования, да и не ставили перед собой такой цели. Имеющиеся материалы не дают нам оснований для определения системы их взглядов на развитие общества. Вряд ли они придерживались каких-либо исторических концепций и школ. Однако сказанное выше ни в коей мере не умаляет роли этих ученых в отечественном алжироведении. Их этнографические заметки, носившие до известной степени случайный, с позиций исторического исследования, характер, отличаются живостью и непосредственностью наблюдений, содержат богатый фактический материал, рисующий Алжир под властью французов. Опубликованные в официальных и пользующихся популярностью изданиях, работы А. А. Рафаловича и Э. И. Эйхвальда сыграли значительную роль в формировании общественного мнения России на алжирские проблемы.

Итак, рассмотрев период становления отечественного алжироведения, мы можем сделать следующие выводы. Для первого периода характерны непоследовательность в развитии, слабая взаимосвязанность между отдельными работами, целый пласт отечественного алжироведения XVII—XVIII вв. был полностью забыт и не оказал практически никакого влияния на дальнейшее развитие этой отрасли знаний в России, поэтому в XIX в. русские исследователи открывают Алжир заново.

Большую роль в познании Алжира в России наряду с научными исследованиями играла публицистика, способствовавшая более широкому распространению знаний об этой стране в России.

Отечественное алжироведение с первых своих шагов стало развиваться как отрасль исторической науки. И хотя некоторые работы носили страноведческий, историко-географический характер, все-таки исторический аспект, как правило, преобладал, в то время как российское востоковедение в этот период главное внимание уделяло вопросам языкознания. Последнее обстоятельство стало одной из причин того парадоксального явления (которое сохранялось на протяжении всего дореволюционного периода), что Алжиром, за редким исключением, занимались не профессиональные востоковеды, а порой даже не историки. Другой характерной чертой отечественного алжироведения было то, что изучение этой страны побуждалось прежде всего практическими интересами Российской империи и интенсивность подобных исследований во многом зависела от ее политики.

Проблемы колонизации столь отдаленной от нашего оте-

чества «Алжирии» оказались кровно близки захватническим интересам России, жестоко подчинившей себе Кавказ, а затем и Среднюю Азию. Однако русские исследователи критически изучали опыт французских завоевателей, резко выступая против крайностей, а сам Алжир неизменно вызывал у наших соотечественников интерес столь же глубокий, сколь глубоко было их сочувствие борьбе его народа за независимость. И еще задолго до появления на алжирских берегах французских завоевателей русский моряк М. Г. Коковцов выражал искреннюю надежду на освобождение коренного населения от варварского турецкого ига. Эта традиция, заложенная в период становления отечественного алжироведения, стала краеугольным камнем во всех дальнейших российских исследованиях об Алжире.

Л и т е р а т у р а

1. Абд эль-Кадер.— Москвитянин. М., 1841, № 1.
2. Алжир.— Отечественные записки. СПб., 1841, № 18, отд. 2.
3. *Бартольд В. В.* Восток и русская наука.— Сочинения. Т. 9. М., 1977.
4. *Богданович М. И.* Алжирия в новейшее время. СПб., 1849.
5. *Богданович М. И.* Алжирия в новейшее время. СПб., 1849. Рец. на книгу.— Отечественные записки. СПб., 1850, № 2, отд. 6.
6. Бу-Маза в Париже.— Современник. СПб., 1847, № 7, отд. 4.
7. Бюжо об Алжире.— Москвитянин. М., 1842, № 10.
8. [*В-ский В. А.*] Охота в окрестностях Мильяны Милианы (Из путевых записок В. А. В-ского).— Отечественные записки. СПб., 1850, № 6.
9. Европейское население Алжира.— Современник. СПб., 1847, № 4, отд. 4.
10. *Елисеев А. В.* Антропологическая экспедиция в Сахару через Триполи, Тунис и Алжир. СПб., 1885.
11. *Елисеев А. В.* В стране туарегов.— Русский вестник. СПб., 1885, № 7—8.
12. Историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1962.
13. История русской армии и флота. Т. 8. Образование. М., 1912.
14. [*Коковцов М. Г.*] Достоверные известия об Альжире. О нравах и обычаях тамошнего народа; о состоянии правительства и собранных доходах, о положении Варварийских берегов, о произрастаниях и прочем; с верным чертежом. СПб., 1787.
15. [*Коковцов М. Г.*] Описание Архипелага и Варварийского берега, изъясляющее положение островов, городов, крепостей, подводных камней и мелей, число жителей, веру, обряды и нравы их с присовокуплением древней истории, и с тремя чертежами. СПб., 1786.
16. *Косвен М. О.* Первый русский африканист М. Г. Коковцов.— Советское востоковедение. 1956, № 2.
17. *Костенко Л. Ф.* Путешествие в Северную Африку. СПб., 1876.
18. *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики.— Избранные сочинения. Т. 4. М.— Л., 1957.
19. *Куббель Л. Е.* К истории этнографического изучения Африки в России.— Изучение Африки в России. Дореволюционный период. М., 1977.
20. *Куропаткин А. Н.* Алжирия. СПб., 1877.
21. *Ланда Р. Г.* Взаимодействие европейской колонизации и алжирского общества XIX в.— Арабские страны: история и современность. М., 1981.
22. *Машиев А. И.* Очерк современного состояния Алжирии.— Вестник императорского Русского географического общества. Ч. 28. Кн. 3. Отд. 5. СПб., 1851.
23. О французской колониальной экспансии в Алжире.— Отечественные записки. СПб., 1842, № 7. отд. 7.

24. Об алжирских экспонатах на парижской мануфактурной выставке.— Отечественные записки. СПб., 1849, № 9, отд. 8.
25. Об открытии в Алжире развалин древнего города римского времени.— Отечественные записки. СПб., 1841, № 6, отд. 7.
26. Общий морской список. Ч. 6. Царствование Екатерины II. СПб., 1890.
27. Описание турецкой империи, составленное русским, бывшим в плену у турок в XVII веке. СПб., 1890.
28. [Портрет Абд эль-Кадера].— Современник. СПб., 1848, № 2, отд. 4.
29. Рафалович А. А. Записки русского врача, отправленного на Восток.— Журнал министерства внутренних дел. СПб., 1849, № 26.
30. Рафалович А. А. Некролог.— Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1851, сентябрь.
31. Ришом Ш. Э., Вангольд А. География в эстампах, с повестями и картинами по предметам географии. Изд. 2-е. СПб., 1847. Рец. на книгу.— Отечественные записки. СПб., 1847, № 10, отд. 6.
32. Сахаров А. М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978.
33. Чихачев П. А. Испания, Алжир, Тунис. М., 1975.
34. Эйхвальд Э. И. Отрывки из путешествия в Алжир в 1847 г.— Вестник императорского Русского географического общества. СПб., 1851.
35. Broughton E. Six Years Residence in Algiers. L., 1839. Рец. на книгу.— Отечественные записки. СПб., 1839, № 9, отд. 7.
36. [Decker C., von]. Algerien und die dortige Kriegstührung, von C. von Decker. Nach offiziellen und andern authentischen Quellen, und den auf dem Kriegsschauplatze selbst gesammelten Nachrichten bearbeitet. Bd. 1—2. B., 1844. Рец. на книгу.— Отечественные записки. СПб., 1844, № 10, отд. 7.
37. Galibert L. L'Algerie ancienne et moderne depuis les premiers etablissements des Carthaginois jusqu'a la prise de la smalah d'Abd-el-Kader... P., 1844. Рец. на книгу.— Отечественные записки. СПб., 1844, № 7, отд. 7.
38. Rotalier Ch. de. Histoire d'Alger et de la piraterie des Turkes dans la Mediterranee, a dater du seizieme siecle. Vol. 1—2. P., 1841. Рец. на книгу.— Отечественные записки. СПб., 1842, № 2, отд. 7.
39. Wagner M. Reisen in der Regentschaft Alger in den Jahren 1836, 1837 und 1838. Von. D. Moritz Wagner nebst einem naturhistorischen Anhang und einem Kupterallas. Bd. 1—3. Lpz., 1846.